

Небо хмурилось уже много дней. Цао Пи сидел у стола в своих покоях, погружившись в тяжелое оцепенение. Он до сих пор не мог до конца осознать, что его старший брат, Цзысю, ушел навсегда, сложив голову на поле брани.

Рожденному в эпоху великой смуты полагалось бы привыкнуть к бесконечной череде потерь, но десятилетний Цао Пи не мог заставить сердце ожесточиться. Он упрямо лелеял свою скорбь, день за днем воскрешая в памяти мгновения, проведенные со старшим братом. Поглаживая щеку, которая всё еще ныла от недавнего удара, мальчик раз за разом повторял себе: отныне в этом холодном роду не осталось никого, кто относился бы к нему так, как Цзысю.

Ослепительная вспышка молнии разрезала сумерки, высветив мертвенную бледность на лице ребенка. Следом грохнуло так, что Цао Пи, несмотря на готовность к грозе, невольно вздрогнул. Недовольно нахмурившись, он поднялся и ушел во внутренние покои.

Сбросив обувь, мальчик нырнул под одеяло, закутавшись в него с головой. Он помнил, как прежде в такие ненастные ночи всегда тайком пробирался в комнату старшего брата и донимал его просьбами не засыпать, пока сам не погрузится в сон. Цзысю никогда не отказывал — казалось, он даже радовался этим визитам. Как бы поздно ни разразилась гроза, он всегда приказывал слугам оставить дверь незапертой, зная, что его младший брат, тихий и осторожный, словно котенок, обязательно придет искать тепла. При взгляде на это было нетрудно понять, почему Цао Пи, державшийся со всей остальной родней холодно и отстраненно, столь преданно любил Цзысю, с которым даже не был рожден от одной матери.

Плотнее запахнув парчовое одеяло, Цзыхуань свернулся клубком у самого края постели. Из-под ткани виднелись лишь черные, лихорадочно блестящие глаза, в которых затаилась обида.

Снова ударил гром, и тяжелые тучи наконец пролились на землю неистовым ливнем. Цао Пи слушал, как капли барабаныт по крыше, и мысли его начали путаться. Перед внутренним взором поплыли обрывки воспоминаний — старые, пустяковые на первый взгляд случаи. Он медленно закрыл глаза.

День выдался ясным и погожим — самая подходящая пора для охоты. Цао Цао взял с собой свиту и сыновей: Цзысю, Цзыхуаня, Цзывэня и Цзыцзяня. В любое другое время Цао Пи прыгал бы от радости, но сегодня он не мог выдать из себя и подобия интереса. С самого выезда его лицо казалось застывшей маской льда. Впрочем, он и в обычные дни отличался скрытностью и сдержанностью, так что никто не заметил в его поведении ничего странного. Лишь ехавший бок о бок с ним Цзысю, давно примечавший малейшие перемены в настроении брата, всё понял. Смерив взглядом отца, который вез на коне маленького Цзыцзяня, и следовавшего за ними Цзывэня, старший брат едва заметно улыбнулся. Не привлекая лишнего внимания, он перехватил поводья Цао Пи и потянул их на себя, замедляя ход.

Растерянный этим внезапным жестом, Цзыхуань обернулся. На его лице, прежде лишенном

эмоций, отразилось изумление:

— Старший брат?

Придержав коня, Цзысю склонился к нему и вполголоса, так, чтобы расслышали только они двое, спросил:

— О чем ты думаешь? Всю дорогу сам не свой.

Вздыхнув, Цао Пи отвел взгляд и после долгого, неловкого молчания глухо проговорил:

— Когда я был в его возрасте, отец уже вовсю учил меня верховой езде и стрельбе. А про него говорят — «мал еще, негоже ему пока в седле держаться». Небо и земля, право слово.

Услышав в его голосе столько горечи, Цзысю не удержался от смеха.

— Так вот оно что, А-Пи. Ты, оказывается, из-за этого изводишься? Ну и ревность у тебя, — он на миг шутливо задумался и добавил с лукавством в глазах: — Может, мне взять тебя к себе в седло, раз тебе так завидно?

— Брат! — вспыхнул Цао Пи, понимая, что над ним подтрунивают. Лицо его залила краска — то ли от смущения, то ли от гнева. — Знай я, что ты станешь надо мной насмехаться, ни за что бы не открылся.

Зная натуру брата как свои пять пальцев, Цзысю не спешил его утешать. Он лишь весело рассмеялся, отпустил поводья и, пришпорив коня, устремился к голове колонны.

Почувствовав, как мимо пронесся вихрь, Цао Пи опешил. Старший брат впервые не стал проявлять терпения, не начал уговаривать и утешать, а просто умчался к отцу и А-Чжи. Чувство покинутости навалилось с новой силой. В конце концов, Цзыхуань был лишь восьмилетним ребенком, и обида, смешанная с досадой, хлынула через край. Однако они были на людях, под присмотром десятков глаз; как бы ни было горько, Цао Пи, привыкший следить за каждым своим жестом, не мог позволить себе сорваться. Ему оставалось лишь давить эти чувства в себе, отчего глаза его непроизвольно покраснели. Вид у него в этот миг был по-настоящему жалкий.

Когда Цзысю вернулся, он даже не успел перевести дух, как замер, пораженный видом брата, который едва сдерживал слезы.

— А-Пи, А-Пи, ты чего это? Никак плакать вздумал? — встревоженно спросил он. Знаком велел свите продолжать путь, старший брат увел коня Цзыхуаня в сторону от дороги.

Сглотнув подступившие слезы, Цао Пи мгновенно спрятал минутную слабость за привычной маской покорности.

— Ничего. Пойдем быстрее, а то отец снова станет гневаться. — С этими словами он ударил коня пятками, намереваясь догнать отряд.

В сердце Цзысю шевельнулась жалость, смешанная с бессилием. Он перехватил брата за руку, преграждая путь.

— И это ты называешь «ничего»? Я же вижу, что ты в таком состоянии из седла выпадешь, стоит только охоте начаться, — он заглянул в бледное лицо мальчика. — Неужто ты подумал, будто я поехал вперед, чтобы развлекать А-Чжи?

— А-Чжи, А-Чжи... Ты так ласково его зовешь, — буркнул Цао Пи. Он говорил тихо, но брат расслышал каждое слово.

Слегка щелкнув его по носу, Цзысю с улыбкой пожурил:

— Он тоже мой брат, не могу же я обходиться с ним как с чужим. Эх ты, неблагодарный. Все же знают, о ком из братьев я пекусь больше всех, а ты всё капризничаешь.

Цао Пи не был мелочным, и после этих слов он всё же едва заметно улыбнулся, хотя и продолжал упрячиться ради приличия.

— Скажешь тоже... — Он покосился на сияющее лицо Цзысю и наконец смягчился: — Мы так сильно отстали. Отец и вправду не рассердится?

— Мы ведь не пойдем с ними, так чего ему сердиться? — Не дожидаясь, пока изумление на лице мальчика сменится вопросами, Цзысю развернул коня и неторопливо направился на запад.

Цао Пи был не по годам смысленным и сразу догадался, о чем старший брат просил отца. На душе мгновенно стало легко.

— И куда мы теперь?

— Ты ведь на днях поранил ногу, когда упражнялся с мечом? Всё равно на охоте от тебя не было бы проку, так что лучше просто проедемся, развеемся.

Мальчик невольно коснулся бедра и прищурился от удовольствия:

— От тебя ничего не скроешь. Это ведь просто царапина.

— Вот и попробуй теперь сказать, что я тебя не люблю, — Цзысю обернулся, в его взгляде плясали лукавые искорки.

— Так ты, оказывается, только и ждал повода это припомнить! — Цао Пи затеребил поводья, чувствуя, что крыть ему нечем.

За разговорами они вскоре добрались до подножия невысокого холма. Цзысю остановил коня и спрыгнул на землю.

— Идем, поднимемся, посмотрим, что там.

Цао Пи, оставшись в седле, огляделся:

— Я никогда здесь не был. — Он оперся на протянутую руку брата и легко спрыгнул, но неокрепшая рана на ноге отозвалась резкой болью. Чуть нахмурившись, он спросил: — У этого места есть имя?

Ведя его за собой по густой траве, Цзысю довольно улыбнулся:

— Я наткнулся на этот холм случайно, когда проходил здесь с отцом. Наверное, у него нет названия, но про себя я зову его Малой Шоуян.

Цао Пи попытался поймать пролетающую мимо бабочку и вскинул голову:

— В честь той горы Шоуян, что под Лояном?

— Ты знаешь о ней? — В голосе старшего брата послышалась нескрываемая радость.

— Да, — кивнул мальчик. — Я читал историю Бои и Шуци. Гора Шоуян — это гора, хранящая память о верности древних мудрецов. Ты думаешь, этот холм такой же?

Цзысю лишь загадочно улыбнулся. Когда они достигли вершины, он указал рукой на запад:

— Смотри, А-Пи. Там, в той стороне — Лоян. Когда-то это была самая величественная столица в мире. Там люди жили в покое и достатке, а правители и подданные уважали друг друга. И там стоит настоящая гора Шоуян. Каждую осень она вся покрывается цветами Весны Восьмого месяца, это неопишуемая красота.

— А как Лоян выглядит сейчас? И гора? — Цао Пи посмотрел на брата и вдруг почувствовал

необъяснимую тревогу. Цзысю всегда был воплощением мягкости и тепла, первым приходил на помощь, когда младшему бывало плохо. В то же время, облаченный в доспехи перед походом, он казался несокрушимым героем. Но таким — печальным и задумчивым — мальчик видел его впервые.

— Если тебе так хочется узнать, почему бы не увидеть всё самому, когда придет время?

— Снова ты загадками говоришь.

— Да потому что я и сам не знаю, — Цзысю рассмеялся, глядя на обиженную мину брата, но в душе его была лишь тоска. Он слишком хорошо знал, что нынешний Лоян — лишь груда развалин, о которых больно даже вспоминать. Но он не хотел говорить об этом ребенку. Он не хотел, чтобы свет в глазах мальчика преждевременно выжгло пламя войны. И потому он лишь улыбнулся и произнес: — Когда ты вырастешь, ты обязательно побываешь в Лояне. Увидишь его великие дворцы и гору Шоюан, утопающую в цветах.

— Правда? — доверчиво переспросил Цао Пи.

Кивнув, Цзысю поспешно отвел взгляд.

— Тогда, когда я вырасту, я тоже буду сопровождать отца в походах, как и ты. И сам доеду до Лояна.

Слыша эти мечты, Цзысю не знал, радоваться ему или плакать. Он лишь привлек брата к себе и ласково погладил его по волосам.

— Хорошо.

Он и сам не заметил, сколько горечи было в этом коротком слове.

В тот миг Цзысю и помыслить не мог, что его случайная ложь станет для брата делом всей жизни. Спустя годы перенос столицы в Лоян вовсе не был прихотью нового императора — семена этого решения были посеяны в тот самый день.

<http://bllate.org/book/17368/1691985>